

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Эрделевский А. Бойтесь данайцев, дары приносящих! // Бизнес-адвокат. 2000. № 21.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
6. Широков В.А. Противоречие законов как серьезное препятствие в борьбе со взяточничеством // Современное право. 2005. № 4.
7. Подгруша В. Когда подарок еще не взятка // Юстиция Беларуси. 2005. № 12.

Андрей Александрович ЧУКРЕЕВ
доцент кафедры трудового
и предпринимательского права
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук
aachukreyev@mail.ru

УДК 347.51

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНЫ**В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ****PRESUMPTION OF GUILT IN THE CIVIL LEGISLATION OF RUSSIA**

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует роль презумпции вины в механизме применения гражданско-правовой ответственности.

SUMMARY. The author analyses the role of the presumption of guilt in the mechanism of civil liability application.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Презумпция вины, гражданское законодательство, гражданско-правовая ответственность.

KEY WORDS. Presumption of guilt, civil legislation, civil liability.

Отечественная цивилистическая доктрина советского периода развила не теряющее своей актуальности и сегодня учение о составе гражданского правонарушения, которое в единстве его объективных и субъективных элементов образует основание гражданско-правовой ответственности; аксиомой этого учения является то, что вина — обязательное субъективное условие данной ответственности [1; 97], [2; 665].

Однако вопрос — является ли вина обязательным условием применения мер гражданско-правовой ответственности — все же не так прост и с точки зрения указанного учения. Безусловному утвердительному ответу на него мешает традиционно доминирующая в отечественном гражданском праве и уходящая своими историческими корнями еще в древнеримское частное право презумпция виновности правонарушителя [3; 344-346], [4; 98-108]: «отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство» (п. 2 ст. 401 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации [5], далее — ГК); «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине» (п. 2 ст. 1064 ГК).

Таким образом, если кредитор, потерпевший или иное заинтересованное лицо не обязаны доказывать наличие субъективной стороны правонарушения, а правонарушитель по какой-либо причине не доказал отсутствие своей вины, имевшее место в действительности, то суд при разрешении соответствующего спора вполне законно может, точнее — обязан применить соответствующую санкцию, как бы обойдя условие о вине и фактически реализуя «ответственность независимо от вины». На этот теоретический эффект, который оказывает презумпция вины на теорию состава гражданского правонарушения, впервые в отечественной науке обратил внимание С.С. Алексеев: когда действует указанная презумпция, вина — не субъективное условие гражданско-правовой ответственности, но невиновность — основание освобождения от такой ответственности [6; 34-37]. Данную позицию С.С. Алексеева касаясь оснований гражданско-правовой ответственности относят к разновидности теории, названной О.А. Красавчиковым концепцией двух начал, которая как бы примиряет и развивает антагонистические в цивилистическом учении об указанных основаниях теории причинения и вины [7; 468].

Кроме того, анализируемая презумпция «материально» корректирует (являясь доказательственной материально-правовой презумпцией) общее процессуальное правило о распределении бремени доказывания в гражданском и арбитражном процессе: каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основания своих требований и возражений (п. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [8], далее — ГПК; п. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [9], далее — АПК).

Однако, во-первых, представляется, что такая конструкция совместима с фундаментальным принципом юридического равенства сторон охраняемых гражданских правоотношений, а также с принципами гражданского и арбитражного процесса — равноправием сторон и состязательностью (ст. 12 ГПК; ст.ст. 8, 9 АПК). К данному выводу традиционно приходит наша доктрина — при таком распределении *onus probandi* права кредитора (потерпевшего) защищаются наилучшим образом, т.к. ему сложнее, чем самому правонарушителю доказывать субъективное отношение последнего к совершенному им противоправному деянию [10; 398], [11; 136], [2; 678]. Во-вторых, наличие анализируемой презумпции не ставит под сомнение, на наш взгляд, принципиального положения вины как обязательного, необходимого условия гражданско-правовой ответственности, т.к. презумпция вины (как и невиновности) производна, вторична по отношению к составу правонарушения — она как бы процессуально взаимодействует с последним, обеспечивая соответствующий правоприменительный акт.

Помимо материальных презумпций, в юридической науке выделяют еще и презумпции процессуальные [12; 44] (хотя есть предложения под материальными и процессуальными презумпциями понимать не два разных вида презумпций, а единую норму-презумпцию [3; 112-122]). Цель процессуальной презумпции — исключить представление доказательств для вынесения судебного решения или указать субъекта, на которого возлагается бремя доказывания, и таким образом установить порядок применения норм процессуального права. Материально-правовая презумпция «является основанием установления предполагаемого факта, влекущего соответствующие правовые последствия, как следствие из

вывода о высокой степени вероятности его существования при определенных обстоятельствах (условиях)» [4; 31].

Следствием такого различия является разный механизм действия этих презумпций. Если процессуальная презумпция всегда с очевидностью вытекает из правовой нормы и распределяет бремя доказывания не предположительно, а вполне определенно, то материально-правовая презумпция может вступить в действие только при доказанности условий ее применения; последнее относится и к презумпции вины [11; 135]. Такой механизм действия материально-правовых презумпций позволяет сделать вывод, что последние всегда могут быть опровергнуты, если доказано отсутствие фактов, при наличии которых они применяются. Так, доказав отсутствие противоправности своего деяния, ответчик освобождается от доказывания отсутствия своей вины (когда последнее требуется правом для освобождения от реализации соответствующей санкции): «виновность всегда предполагает противоправность, но не наоборот» [1; 173]; [11; 136-137].

К сожалению, на практике по разным причинам иногда «забывают» об особенностях описанного выше механизма применения гражданско-правовой ответственности, что ведет к дисбалансу правового положения сторон спорного правоотношения [3; 170-172].

Вот формулировка (подобных которой история знает немало) из мотивировочной части постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, которым было частично отменено решение арбитражного суда первой инстанции, а дело в соответствующей части направлено на новое рассмотрение из-за того, что: «... суд, взыскивая пени за просрочку платежей за оказанные услуги, не рассматривал вопроса о виновности учреждения в неоплате платежных требований» [13; 29].

Конечно, вина, как можно увидеть из обстоятельств анализируемого дела (ответчик — бюджетное учреждение, нарушившее обязательство, не связанное с осуществлением им предпринимательской деятельности), в данном случае является необходимым основанием ответственности, но это основание должно влиять на судебное решение только в том случае, если сам правонарушитель доказал его отсутствие — свою невиновность. Ведь неслучайно законодатель подчеркивает, что «обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом *на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права*» (курсив наш. — прим. авт.) (п. 2 ст. 56 ГПК; п. 2 ст. 65 АПК). Иной подход здесь ведет к нарушению норм как материального (п. 2 ст. 401 ГК), так и процессуального права — к нарушению прежде всего принципов равноправия сторон и состязательности арбитражного судопроизводства (ст.ст. 8, 9 АПК).

Иногда закон обуславливает гражданско-правовую ответственность определенной формой (степенью) вины правонарушителя, и тогда последнему для освобождения от нее достаточно доказать отсутствие соответствующей формы (степени). Так, п. 3 ст. 118 Воздушного кодекса Российской Федерации [14] (далее — ВК) гласит: «Перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза, если не докажет, что они не явились результатом совершенных умышленно действий (бездействия) перевозчика или произошли не во время воздушной перевозки».

Интересно, что законодатель часто требует от правонарушителя для освобождения его от гражданско-правовой ответственности либо доказать отсутствие своей вины, либо доказать вину кредитора (потерпевшего, третьего лица) или даже определенную степень (форму) вины последнего в совершенном правона-

рушении. Правда, иногда такие требования выглядят избыточными. Так, п. 2 ст. 118 ВК гласит: «Перевозчик несет ответственность за сохранность находящихся при пассажире вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) этих вещей произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, либо умысла пассажира». Хотя вместо союза «либо» следовало бы, на наш взгляд, поставить вводные слова «в том числе» или «в частности», т.к. умышленное причинение пассажиром вреда находящимся при нем вещам следует квалифицировать в рассматриваемом отношении как «обстоятельство, которое перевозчик не мог предотвратить и устранение которого от него не зависело».

В свете сформулированных общих положений следует определить роль презумпции виновности правонарушителя в механизме гражданско-правовой охраны в отраслевом масштабе.

Как известно, данная презумпция распространяется на меры ответственности за нарушение обязательств (ст. 401 ГК) и меры ответственности за причинение вреда (ст. 1064 ГК). Видимо, вследствие того, что данные формы ответственности можно считать фундаментальными в гражданско-правовой охранительной системе, и «учение об обязательствах всегда оказывалось в прошлом, а в принципе остается и теперь решающим средоточием учения о гражданской ответственности» [7; 460], в отечественной цивилистике распространен стереотип о полном господстве в гражданском праве презумпции вины. Так, О.С. Иоффе категорично утверждал: «В гражданском праве, в отличие от права уголовного, виновность правонарушителя предполагается: каждый совершивший объективно противоправное действие предполагается виновным до тех пор, пока не будет доказано противное» [11; 125]. Ту же категоричность можно встретить и в специальной литературе по современному гражданскому законодательству России [2; 678], [15; 449], [16; 51].

О.А. Кузнецова относит презумпцию вины к базовым отраслевым презумпциям гражданского права (наравне с презумпцией добросовестности), имеющим значение принципов отрасли; правда, она и не отрицает использование в гражданском праве презумпции невиновности, воспринимая последнюю как чуждую частному праву [3; 8, 83, 84, 134-136, 166-181, 230, 233].

Как было отмечено выше, анализируемая презумпция распространяется на ответственность и за нарушение обязательств, и за причинение вреда. Однако этими мерами гражданско-правовая ответственность не исчерпывается. Следовательно, можно сделать вывод — данная презумпция не носит отраслевого, универсального для гражданского законодательства характера, хотя, можно сказать, доминирует на практике благодаря значительному «удельному весу» указанных мер в сфере гражданско-правовой ответственности. В частности, анализируемая презумпция не распространяется на применение санкций за злоупотребление правом (ст. 10 ГК), на применение так называемых конфискационных санкций (ст.ст. 169, 179, 240, 241, 239 ГК) и т.д. В этой связи нельзя согласиться, в частности, с мнением О.А. Кузнецовой, которая считает, что презумпция вины распространяется и на вещное право в случаях ответственности, например, за утрату либо повреждение найденной вещи (п. 4 ст. 227 ГК) или за гибель либо порчу безнадзорных животных (п. 3 ст. 230 ГК) [3; 168].

Продолжая аргументацию сказанного нами выше о роли презумпции вины в гражданском праве, отметим, что она часто (закрепляясь в общей форме ст.ст. 401 и 1064 ГК) «нейтрализуется» рядом специальных норм гражданского законодательства [4; 102-103, 115-116, 125-126].

Например, согласно п. 2 ст. 1070 ГК, при возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия, действует презумпция невиновности судьи — эта презумпция может быть опровергнута соответствующим приговором суда, вступившим в законную силу [3; 168].

Презумпции невиновности владельцев источников повышенной опасности при причинении вреда столкновением последних придерживается законодатель в ГК (абз. 2 п. 3 ст. 1079), а также в «транспортных» кодексах. Так, в п. 3 ст. 129 ВК закреплено следующее: «ни один из владельцев, воздушные суда которых участвовали в столкновении, не предполагается виновным, если в установленном порядке не будет доказано иное». Аналогичное положение содержится и ст. 315 «Презумпция невиновности судов» Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [17]: «ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное»; и п. 3 ст. 43 «Вина судов в столкновении» Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации [18]: «ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное».

Итак, о том, что презумпция вины не имеет отраслевого, универсального для гражданского законодательства характера, свидетельствует, прежде всего, способ ее закрепления в тексте ГК, где она не фиксируется в виде общей нормы, распространяющей свое действие на все регулируемые данным законодательством отношения.

Подчеркнем, что презумпция виновности правонарушителя не включена в подраздел 1 «Основные положения» раздела I «Общие положения» ГК, тогда как Основы гражданского законодательства 1991 г. [19] данную норму содержали в п. 4 ст. 6 (раздел I «Общие положения», глава 1 «Основные положения»): «Если наступление правовых последствий нарушения зависит от виновности нарушителя, предполагается, поскольку не доказано обратное, его виновность, кроме случаев, когда законодательными актами предусмотрено иное».

Интересно, что по этому пути Основ гражданского законодательства 1991 г. пошел законодатель Республики Казахстан — п. 6 ст. 9 Гражданского кодекса этой страны гласит: «Если наступление правовых последствий нарушения зависит от виновности нарушителя, предполагается его виновность, кроме случаев, когда законодательными актами предусмотрено иное» [20]. Однако здесь нельзя не заметить определенный диссонанс закрепления в такой общей форме данной презумпции с другой презумпцией, предусмотренной п. 4 ст. 8 того же Кодекса, — презумпцией добросовестности, разумности и справедливости действий участников гражданских правоотношений.

Хотя следует признать, что подход, диаметрально противоположный отстаиваемому нами, также не лишен определенного смысла, но менее рационален с точки зрения юридической техники. Так, О.А. Кузнецова предлагает закрепить в подразделе 1 раздела I ГК нормы следующего содержания: «Если иное не установлено законом, лицо, совершившее гражданско-правовое нарушение, предполагается виновным, и в силу этого оно подлежит гражданско-правовой ответственности. Виновность может быть опровергнута правонарушителем в установленном законом порядке путем доказательства своей невиновности» [3; 181]. Между тем, делая такой теоретический вывод на основе буквального толкования современного гражданского законодательства России, следует, по крайней мере, сослаться на аналогию закона (п. 1 ст. 6 ГК). А при закреплении предлагаемого О.А. Кузнецовой правила в ГК, чтобы сохранить первоначальный смысл гражданского законодательства, придется провести

большую работу — выявить все нормы о вине, которая «не предполагается» в соответствии со ст.ст. 401 и 1064 ГК на данный момент, и в каждой из таких норм прямо указать на их исключительность в анализируемом плане.

При этом О.А. Кузнецова предлагает закрепить в ГК презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, сформулировав ее универсально, без существующих сегодня по п. 3 ст. 10 ГК ограничений ее применения (с чем мы полностью согласны): «Если законом не установлено иное, участники гражданских правоотношений предполагаются добросовестными. Добросовестность может быть опровергнута в установленном законом порядке путем доказательства недобросовестности» [3; 165]. Но тогда, на наш взгляд, это приведет к неоправданной «конкуренции» презумпции добросовестности с презумпцией вины (в предлагаемом О.А. Кузнецовой варианте ее включения в ГК). Первая презумпция, конечно, имеет более общее значение, чем вторая, но это значение нельзя, по нашему мнению, ограничивать, как это делает О.А. Кузнецова [3; 169, 170], только сферой применения гражданско-правовых санкций, не являющихся мерами ответственности.

И мы придерживаемся той точки зрения, что одним из принципов гражданского права является принцип добросовестности. Последний имеет и чисто регулятивный, и охранительный потенциал, а категория «добросовестность» немислима без диалектически парной ей категории — «недобросовестность». На наш взгляд, следует выделять отдельные формы недобросовестности в гражданском праве — вину, и недобросовестность в узком, специально-охранительном смысле этого термина (например, недобросовестность приобретателя по ст. 302 ГК). Таким образом, недобросовестность и вина (а также ее формы и степени), используемые законодателем как субъективные условия применения гражданско-правовых санкций, являются ретроспективными, охранительными критериями оценки соблюдения участником гражданско-правовых отношений принципа добросовестности.

Недобросовестность в указанном выше широком смысле этого термина, как не дифференцированное по формам нарушение принципа добросовестности — это отсутствие должной заботливости лица о соблюдении гражданских прав и законных интересов других лиц при осуществлении своих гражданских прав и законных интересов, исполнении гражданских обязанностей. Соответственно, вина — это недобросовестность, выразившаяся в неисполнении лицом своей гражданской обязанности, нарушении гражданского права или законного интереса другого лица и влекущая применение мер гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, презумпция вины не имеет отраслевого, универсального для гражданского законодательства характера — она закрепляется либо в нормах, имеющих лишь относительно общее значение (как в ст.ст. 401, 1064 ГК), либо в нормах специальных (как, например, в п. 3 ст. 28 ГК).

Правда, принцип добросовестности не находит своего прямого и, соответственно, общего по характеру закрепления в ГК (в подразделе 1 раздела I), но он присутствует в тексте последнего косвенно — прежде всего в п. 3 ст. 10 мы видим охранительный «выход» анализируемого принципа — презумпцию добросовестности: «В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются».

В связи с этим следует, на наш взгляд, закрепить в ГК, в подразделе 1 раздела I общую норму принципиального для всего гражданского законодательства

значения: «Когда санкция гражданского законодательства применяется к лицу при условии наличия его вины в совершенном правонарушении, лицо предполагается невиновным до тех пор, пока не будет доказано обратное, кроме случаев, предусмотренных законом». Тогда наиболее общими исключениями из этого правила в гражданском законодательстве и будут презумпции виновности нарушителя обязательств (п. 2 ст. 401 ГК) и причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК), а общая для гражданского законодательства презумпция невиновности будет гармонично конкретизировать еще более общую по своему характеру презумпцию добросовестности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1955. 308 с.
2. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 784 с.
3. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 349 с.
4. Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976. 191 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ). 1994. № 32. Ст. 3301; Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Линия права. М.: Статут, 2006. С. 29-37.
7. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. II // Избр. тр. по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 330-506.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ. 2002. № 30. Ст. 3012.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.
11. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1955. 311 с.
12. Веденеев Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. 1998. № 2. С. 43-49.
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2002 г. № 3558/02 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 1. С. 29.
14. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ. 1997. № 12. Ст. 1383.
15. Гражданское право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2000. 816 с.
16. Гражданское право: Учебник / Под общ. ред. С.С. Алексеева. М.: ТК Велби; Екатеринбург: Институт частного права, 2006. 480 с.
17. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ. 1999. № 18. Ст. 2207.
18. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // СЗ. 2001. № 11. Ст. 1001.
19. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
20. Гражданский кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 1029 с.